

Научная статья

УДК 165.732

doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.012

«Метафизическое апостериори»: к специфике «коперниканского переворота» И. Канта

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА ТРИФОНОВА

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, katt17@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика трансцендентальной гносеологии И. Канта, делается попытка осмысления его вклада в философию. Анализируется понятие «точки сборки», под которой понимается конструирование видения мира с помощью деталей, существующих независимо от сознания. Показано, что такой «точкой сборки» в философии познания И. Канта явилось понятие «метафизическое апостериори», чей смысл в доопределении мира, присвоении и освоении, приближении его к человеку. Раскрывается суть коперниканского переворота, связанного с измененным методом мышления, представлением о том, что мы познаем о вещах лишь то, что вложено в них самими нами.

Ключевые слова: коперниканский переворот; эпистемология; трансцендентальная гносеология; метафизическое апостериори; топос.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Для цитирования: Трифонова Т. Л. «Метафизическое апостериори»: к специфике «коперниканского переворота» И. Канта // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 3 (14). С. 100–104. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.012.

Original article

“Metaphysical A Posteriori”: on the Specifics of I. Kant’s “Copernican Revolution”

TAT'YANA L. TRIFONOVA

Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, katt17@yandex.ru

Abstract. The article considers the specifics of I. Kant's transcendental epistemology and attempts to comprehend his contribution to philosophy. The concept of an “assemblage point” is analyzed, which means the construction of a vision of the world using details that exist independently of consciousness. It is shown that such an “assemblage point” in I. Kant's philosophy of cognition was the concept of “metaphysical a posteriori”, which, in a certain sense, redefines the world, making it its own, assimilated and mastered, bringing the world closer to man. The essence of Kant's Copernican revolution is connected with a changed method of thinking, with the idea that we know about things only what we put into them ourselves.

Keywords: Copernican revolution; epistemology; transcendental epistemology; metaphysical a posteriori; topos.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Trifonova T.L. "Metaphysical a posteriori": on the specifics of I. Kant's "Copernican revolution". *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 3 (14), pp. 100–104. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.012.

Из всего богатого философского наследия И. Канта – родоначальника немецкой классической философии – самым главным, на наш взгляд, является его трансцендентальная гносеология. Революция, начатая философом, была продолжена в новейшее время и продолжается в новых условиях постнеклассической науки.

Кант, называя свою философию идущей точно в русле основной гипотезы Коперника, утверждал, что совершил коперниканскую революцию. В последующем данная фраза стала использоваться для обозначения смены парадигмы, изменения основных концепций науки, радикального поворота взглядов.

Он осуществил обоснование творческого, конструктивного характера человеческого познания, мышления и деятельности, четко обозначил проблемы границ и условий человеческого познания, подверг сомнению притязание науки на универсальное знание и универсальные идеи. Эта тенденция в последующем получила импульс к развитию в различных философских системах XX в. (философия жизни, феноменология, экзистенциализм и др.).

Кант заключил невозможность рассмотрения метафизики как строгой науки. Его метафизическая система, в отличие от предшествующих учений, интегрировала в себя теорию познания, этику, философию права и эстетику, что позволило ей преодолеть ограниченность традиционной «первой философии».

Вся сила кантовской мысли, а также его сложная теоретическая система и категориальный аппарат, предназначены для опровержения идеи о том, что человеческие представления равнозначны самому миру. Для Канта объективная реальность, которую физика описывает как не зависящую от состояния субъекта, была очевидной. Он называет эту реальность эмпирической или физической.

Эмпирическая реальность – воспринимаемый мир – это некая зависимая планета, вращающаяся вокруг идеального солнца – познающего разума. То есть, в центре познаваемого мира стоит человек. Главное в его философии – не новый антропоцентризм, а положение об активном характере человеческого познания.

Кант не противоречит Копернику, он не восстанавливает антропоцентризм, а идет дальше, не восстанавливает онтологический антропоцентризм, но провозглашает гносеологический антропологизм. В этом суть его «коперниканского переворота». Он раскрыл творчески-активный характер познания.

Суть коперниканской революции состоит в понимании научного познания как культурной деятельности.

В центре трансцендентальной философии Канта находится понятие опыта. Основная идея состоит в том, чтобы понять человека через его действия. Его априоризм предполагает возможность исследования сознания в контексте человеческой деятельности. Данный подход позволил выявить трансцендентальные предпосылки, которые делают опыт и его осмысление, а также экспериментальную деятельность возможными.

Трансцендентальные предпосылки определяют структуру познавательной деятельности. Теория гласит, что опыт необходим. Например, согласно Канту, физика не является простым опытным исследованием природы, а представляет собой исследование, необходимое для получения опыта [1, с. 38]. Важно подчеркнуть, что речь идет не о законах, выведенных из опыта, а о том опыте, который возникает под воздействием этих законов. В то же время законы, которые мы считаем порождающими опыт, на самом деле служат основой,

из которой вырастает человеческий феномен, опираясь на биологические характеристики человека. Следует отметить, что эти идеи остаются актуальными и в контексте постнеклассической науки, поскольку они, по сути, переворачивают традиционное восприятие естествознания, исключая человека из его сферы. Классический подход, рассматривающий естествознание как максимально объективное и независимое от человеческого фактора, уступает место взгляду, согласно которому природа зависит от человека, так как ее законы включают в себя человеческое присутствие. В своей работе «Критика чистого разума» Кант утверждает, что «естествоиспытатели осознали: разум воспринимает лишь то, что он сам создает в соответствии со своим планом, основываясь на тех понятиях, которые мы сами формулируем и интерпретируем» [2, с. 301].

Чтобы интерпретировать наблюдаемые явления в терминах причинной связи, согласно Канту, необходимо сначала «ввести наблюдаемое явление в пространство, где существующее знание оформляется в виде законов и причинных связей» [2, с. 303]. Иначе говоря, у причинной связи имеется скрытое условие, которое М. Мамардашвили называет «топосом».

Эмпиризм Канта, его экспериментальную и трансцендентальную методологию можно обозначить, по мнению М. Мамардашвили, термином «метафизическое апостериори» [2, с. 304].

Метафизическое апостериори есть своеобразная «точка сборки», определяющая разрозненные «детали» в рамках, контексте целого. Необходимость «точки сборки» вытекает из того фундаментального факта, что большая часть материи в любой фиксированный момент времени находится в скрытом, латентном состоянии. Проследить влияние на какое-либо событие всех необходимых факторов не предоставляется возможным. Поэтому философ ищет несформулированные предположения, из которых необходимо исходить, ищет свою «точку сборки», в которой он конструирует свое видение мира, но все детали «конструктора» существуют независимо от сознания.

Реконструируя мышление отдельного философа необходимо знать из каких «деталей» он создавал свою картину мира и какие способы сборки использовал.

У Канта такой «точкой сборки» в философии познания явилось понятие «метафизическое апостериори», которое, в известном смысле, доопределяет мир, делая его своим, усвоенным и освоеным, приближая его к человеку. До данного акта основания объекты природы традиционно воспринимаются как некие «твердые» сущности, на которых основано все остальное, при этом сами они не имеют опоры. Эти основания обеспечивают устойчивость и определенность существования. Мы движемся от существования к пониманию сущностей-оснований, от фактов к законам, а затем обратно. Само по себе наличие фактов не представляет большого интереса и воспринимается как предлог к чему-то более значимому, например, к законам. Все явления имеют свои определения в терминах сущности и основываются на определенных принципах.

Однако сами основания требуют обоснования. Мир, в котором эти основания получают подтверждение, является доопределяющим. Все, что существует до определения, представляет собой хаос, тогда как после определения возникают порядок и законы. Доопределяющий мир не создает нечто новое, а формирует среду, топос, в котором что-то может впервые возникнуть из хаоса в виде порядка.

Кант приходит к выводу о том, что: «Существует действительное взаимодействие субстанций, или их общение друг с другом, вызванное подлинно действующими причинами, так как тот самый принцип, который обосновывает существование вещей, показывает и их подчинение этому закону, а тем самым посредством тех же определений, которые связаны с началом его существования, обосновывает и общение этих вещей друг с другом» [3, с. 313]. Кант в данном случае излагает принцип трансцендентального основания как основания оснований.

Сознание человека не просто отражает окружающий мир, но и создает его – для материалиста-диалектика это очевидный факт. Корни этой идеи восходят к Канту. У него акцент делается не столько на индивидуальном сознании, сколько на человеческом сознании в целом, как на общем духовном наследии, запечатленном в языке и других культурных формах. Трансцендентальное сознание, которое, согласно Канту, определяет «природу», на самом деле представляет собой сложившуюся картину мира. А картина мира, исходя из опыта, познания, норм и стиля мышления, идеалов и норм познания, то есть будучи апостериори, затем обретает форму метафизического принципа, обязательного для исполнения в любом акте познания и деятельности.

Кант невольно поставил вопрос о том, как и для чего применяются общие понятия и категории. По сути дела, он поставил вопрос о том, какова природа приращения знания, осуществляемого посредством использования философского категориального аппарата. Ведь философия устанавливает связи там, где они до сих пор не установлены. В новой метрике нового топоса обнаруживаются доселе неизвестные связи, благодаря которым мир определенным образом упорядочивается, доопределяется, а потому становится возможным его дальнейшее познание.

Развивающаяся и самоорганизующаяся система философского знания, являясь историческим аккумулятором человеческого опыта, преодолевает собственный хаос и на основе какой-либо генерирующей идеи устанавливает всемирный (очередной) порядок.

Категории у Канта – условие познания и одновременно форма движения мышления. Но они не могли бы быть ни тем, ни другим, если бы не несли в себе (прямо или опосредованно) определяющие характеристики того, с чем вообще имеет дело сознание в его чувственных формах или логическом движении. Категории – условия опыта сознания, однако недостаточные, чтобы охватить все действительные и возможные определения вещей [4, с. 174].

Кант, введя понятие «вещи самой по себе» и «вещи для нас», попытался решить проблему, поднятую рационалистами и эмпириками, разделив мир на «феноменальный» и «ноуменальный». Понятие «феноменальный» относится к эмпирическим качествам, тому, что воспринимается с помощью чувств. Ноуменальное – это то, что существует за этим внешним видом. Существование материи нельзя доказать, но должно существовать нечто, что удерживает воспринимаемые с помощью чувств качества вместе, иначе в мире не было бы явленных «вещей». То, что удерживает феноменальные «вещи» вместе, это и есть «вещь в себе». Она присутствует, но она никогда не может быть воспринята.

Идеи Канта органично вписываются в современную философию познания. Он одним из первых продемонстрировал, что научное знание всегда существует в более широком контексте, который определяет способ нашего познавательного отношения к миру. В истории науки выделяются три способа познавательного отношения к миру: созерцательный, деятельностный и, формирующийся в настоящее время, диалоговый. В рамках современной теории познания активно развивается эволюционная эпистемология, основной принцип которой заключается в предположении о том, что субъективные познавательные структуры соответствуют реальности. Проблема «предзнания», априорных форм познания, поставленная Кантом, в контексте деятельностной теории познания решается через понимание познающего субъекта как общества, что подразумевает социокультурную обусловленность познания. В соответствии с эволюционной эпистемологией, «предзнание» формировалось и проверялось на протяжении длительной эволюции человека. По мнению Г. Фоллмера, она представляет собой подлинный коперниканский переворот в гносеологии, поскольку перемещает человека с центрального положения и делает его наблюдателем космических событий, включая и его собственное существование. Философия познания Канта и современная эпистемология близки в стремлении освободиться от заранее заданных смыслов.

Конец философской эпохи наступает с исчерпанием ее движущих понятий. Основные, базовые понятия кантовской философии – «вещь в себе», «трансцендентальный субъект» (метафизическое апостериори) и другие концепты (теория диктует фактам их бытие и т. д.) – не только не исчерпали свою эвристическую мощь, но, более того, актуализировались в постнеклассической науке, а, следовательно, и в философии познания. Эпоха философии Канта продолжается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сачков Ю. В. Физика в системе культуры. М., 1996. 231 с.
2. Мамардашвили М. Кантианские вариации. М., 2002. 320 с.
3. Кант И. Сочинения : в 4 т. на нем. и рус. языках. Т. 1. Трактаты и статьи. М., 1993. 586 с.
4. Лобастов Г. В. Противоречия априорных чувственных форм в философии Канта // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 172–182.

REFERENCES

1. Sachkov Yu.V. *Fizika v sisteme kul'tury* [Physics in the system of culture]. Moscow, 1996. 231 p.
2. Mamardashvili M. *Kantianskie variatsii* [Kantian variations]. Moscow, 2002. 320 p.
3. Kant I. *Sochineniya: v 4 t. na nem. i rus. yazykakh. T. 1. Traktaty i stat'i* [Works: in 4 volumes in German and Russian languages. Vol. 1. Treatises and articles]. Moscow, 1993. 586 p.
4. Lobastov G.V. Contradictions of a priori sensual forms in kant's philosophy. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2016, no. 5, pp. 172–182. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА ТРИФОНОВА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН России, Рязань, Россия, katt17@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

TAT'YANA L. TRIFONOVA – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy and History of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, katt17@yandex.ru

Статья поступила 20.08.2024

Научная статья

УДК 304.4

doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.013

Капиталистический реализм как социально-философское понятие

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ МОКИЕВСКИЙ

Вологодский государственный университет, Вологда. Россия,
sergei.mokievski@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается характеристика капиталистического реализма как понятия, предложенного английским философом М. Фишером для обозначения формируемого в обществе ощущения того, что представить альтернативу капитализму невозможно. Выделены такие особенности капиталистического реализма, как полный отказ обсуждения будущего или любых альтернатив сложившемуся порядку, сведение реальности к борьбе против всех, навязывание рыночных механизмов по всем сферам общества, присвоение капитализмом любых попыток проявить аутентичность или инакомыслие. Обозначена склонность Марка Фишера к метафорам и отсылкам на искусство, изучены общие черты его теории с социально-политическими концепциями Ф. Джеймисона, А. Бадью, А. Зупанчич, Ж. Лакана и К. Маркса.

Ключевые слова: капиталистический реализм; капитализм; постмодернизм; неолиберализм; реальное; префабрикация; бизнес-онтология.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Мокиевский С. Ю. Капиталистический реализм как социально-философское понятие // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 3 (14). С. 105–111. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.013.

Original article

Capitalist Realism as a Socio-Philosophical Concept

SERGEI YU. MOKIEVSKII

Vologda State University, Vologda. Russia, sergei.mokievski@yandex.ru

Abstract. The article considers characteristics of capitalist realism as a concept proposed by the English philosopher M. Fisher to denote the feeling formed in society that it is impossible to present an alternative to capitalism. Features of capitalist realism are highlighted, such as complete rejection of discussing the future or any alternatives to the established order, reducing reality to a struggle against everyone, imposing market mechanisms in all spheres of society, and the appropriation by capitalism of any attempts to show authenticity or dissent. Mark Fischer's propensity for metaphors and references to art is indicated and common features of his theory with socio-political concepts of F. Jameson, A. Badiou, A. Zupancic, J. Lacan and K. Marx are studied.

Keywords: capitalist realism; capitalism; postmodernism; neoliberalism; real; fabrication; business ontology.

5.7.7. Social and Political Philosophy

For citation: Mokievskii S.Yu. Capitalist realism as a socio-philosophical concept. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 3 (14), pp. 105–111. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.013.

В условиях обострения политических и социальных конфликтов по всему миру, которые часто проявляются через эскалацию уже идущих или недавно начатых межгосударственных и межнациональных противостояний, не стоит забывать про нарастающий внутренний кризис общественной поляризации и политической радикализации в большинстве развитых стран, тенденции которых приобретают глобальные масштабы. Характеристика причин и условий подобной политизации и поляризации общества может стать объектом целого ряда исследований, но довольно актуальной представляется проблема общественной фрустрации, которая за последнее время выливает гнев на устоявшийся господствующий порядок и свою неспособность его побороть самыми разными формами, чаще всего через тяготение к популистам и ожесточение предрассудков. Чтобы понять суть и исходные позиции подобной фрустрации, необходимо исследовать ее причины. В этом плане актуальной предстает работа английского философа Марка Фишера «Капиталистический реализм», в которой он пытался охарактеризовать и объяснить то явление, которое в последние десятилетия обуславливало политику, культуру и самосознание, распространяя ощущение бессилия и беспомощности на масштабы всего общества.

Главная цель данной работы состоит в том, чтобы понять, что именно представляет собой капиталистический реализм как социально-философское понятие, насколько оно применимо к описанию современных социальных явлений. На основе анализа книги М. Фишера «Капиталистический реализм» как главного источника и сравнения ее с работами других авторов, в том числе тех, на кого ссылался сам философ, рассмотрим определение капиталистического реализма, данное автором, выявим его главные особенности, установим связь концепции М. Фишера с другими социально-философскими и общественно-политическими теориями и направлениями.

Концепция капиталистического реализма неоднократно становилась объектом социально-философского исследования. Можно отметить статью О. Хэзерли [1], посвященную биографии М. Фишера и общей характеристике его творчества. В отечественной науке М. Фишера достойно охарактеризовал И. В. Синельков в своей рецензии [2] сборника эссе «Призраки моей жизни», однако он не касался при этом капиталистического понятия как термина или явления. В работах А. Павлова [3], Е. Г. Цуркана и Н. Н. Пожиной [4] исследуется понятие капиталистического реализма в контексте общих обсуждений про постмодернизм или концепцию «конца истории». Но в этих работах капиталистический реализм рассматривается лишь как одна из многих концепций, в то время как К. Мирасова [5] и С. Д. Грехов [6] используют рамки и особенности капиталистического реализма для нового взгляда на работы А. Рэнд и новейшие примеры корейского кино с антикапиталистическим посылом. Однако во всех этих работах капиталистический реализм рассматривается как вспомогательный термин, а не как самостоятельный объект для изучения.

М. Фишер определял капиталистический реализм как «всепроникающую атмосферу, обуславливающую культурное производство и регуляцию труда и образования, действующую в качестве невидимой преграды, блокирующей мысль и действие» [7, с. 37]. Но данное определение ничего не говорит нам об адекватном содержании или сути явления, описываемого автором. Поэтому М. Фишер давал второе определение капиталистического реализма как «широко распространенного ощущения не только того, что капитализм является

единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже представить альтернативу ему» [7, с. 12]. Сам автор потом в одной из своих лекций признавал, что его частично предвосхитила Х. Хестер своим понятием домашнего реализма – представления, что домашние структуры, способные обустроить нашу домашнюю жизнь, неизменны и что их нельзя представить по-другому [8, с. 52].

Но философ не ограничился двумя короткими формулировками и наглядно раскрыл суть того, что обуславливало подобные «ощущения» и как они проявляются. Для этого он часто ссылаясь на работы других исследователей или произведения искусства. В частности, анализ фильма «Дитя человеческое», в котором человечество медленно приближалось к гибели из-за внезапного прекращения деторождения, М. Фишер использовал как иллюстрацию капиталистического реализма не как катастрофической дистопии, а как нормализации постоянного кризиса и обострения нашего мира. Тему бесплодия как катастрофы М. Фишер переносил на духовную сферу, задаваясь вопросом о том, как долго может существовать культура, если ничего нового нет?

М. Фишер утверждал, что людей сознательно уводили от «Следующей Великой Вещи» к «последней великой вещи», то есть фокус с обсуждения или открытия нового переносился на заикливание на великом прошлом. Традиция сама по себе без оспаривания или преобразования ничего не значит, и потому культура без будущего или обновления лишается культурной силы, становится музейным экспонатом. Потому сила капиталистического реализма лежит именно в способности капитализма присваивать и потреблять всю предшествующую историю, вырывая культурные объекты от своих жизненных миров и приписывая определенную финансовую ценность, фактически превращая их в эстетические артефакты. М. Фишер, частично вдохновляясь идеями Ф. Энгельса и К. Маркса, критикующих буржуазию за срыв сентиментального покроя и святости с человеческой деятельности, превращение личного достоинства в меновую стоимость [9, с. 21], позиционировал капиталистический реализм не как особый вид реализма, а реализм как таковой. В подобном реализме все религиозные и политические иллюзии отпали, а капитализм – это то, что осталось, где верования свелись к ритуалу и остался только зритель-потребитель. При подобном описании капиталистического реализма М. Фишеру было необходимо указать на схожее описание капитализма как такового, но он в итоге ограничился метафорой, назвав капитализм вестником массированной десакрализации культуры и сравнив его с «нечто» Д. Карпентера – монструозным пластичным существом, поддерживающим метаболизм в чем угодно и поглощающим все, с чем соприкасается [7, с. 14–16, 18].

Новый термин некоторым покажется ненужным, поскольку многое описанное уже охарактеризовано в работах про постмодернизм, что М. Фишер прекрасно понимал. И действительно, характерный для капиталистического реализма отказ от будущего и обновления дополняется одной из характеристик постмодернизма – отрицанием крупных нарративов, позитивных истин и идеологий. Согласно капиталистическому реализму, освобождение от вредоносных абстракций и идеологий прошлого считается щитом от опасностей вообще любой веры. Занижение ожиданий указывается как «цена защиты от террора и тоталитаризма» [7, с. 17], и тут М. Фишер ссылаясь на убеждения А. Бадью, который во многом предвосхитил описания автора, еще в начале 2000-х гг. утверждая, что в нынешней картине мира либеральный капитализм представляется единственным естественным и приемлемым решением, а все революционные идеи считаются утопичными и преступными. При этом, согласно А. Бадью, руководители и сторонники установленного порядка прекрасно осведомлены о несправедливости либерального капитализма и иллюзорности демократии и прикрывают свой консерватизм не утверждениями о совершенстве нынешнего порядка вещей, а выставляя все остальное чем-то еще хуже. Наглядным примером подобной риторики служат аргументы «демократия несовершенна, но лучше, чем кровавая диктатура» или «капитализм несправедлив, но лучше преступного сталинизма» [10].

«Реализм» в обсуждаемом понятии из-за этого сводится к депрессивной позиции, в которой любая надежда – это опасная иллюзия [7, с. 17].

В своей книге «Капиталистический реализм» автор ссылаясь и на Ф. Джеймисона, показавшего постмодернизм не как отдельное течение в искусстве, а как характеристику культуры в целом и отдельную эпоху. Философ признавал, что мысли Джеймисона о связи постмодерна и потребительского капитализма крайне убедительны, и включение «краха будущего» в описание постмодернизма делает попытку создать какой-то новый термин для эпохи или ее содержания нецелесообразным. Но он все же настаивал на использовании «капиталистического реализма», указывая три причины того, почему термин «постмодернизм» уже не является актуальным описанием происходящего вокруг нас. Первой причиной автор называл тот факт, что если в 1980-х гг. (появление тезисов Ф. Джеймисона) еще можно было представить альтернативы капитализму, то десятилетия спустя чувство опустошенности, бесплодия и отсутствия любых альтернатив стало более устойчиво. Второй причиной указывался тот факт, что в отличие от постмодернизма капиталистический реализм не требует прямого столкновения с модернизмом, наоборот заимствует его при необходимости и принимает его преодоление как нечто само собой разумеющееся. Последним аргументом называлось то, что после распада советского блока проблема сдерживания и присвоения внешних энергий перестала быть актуальна, и капитализм стал заполнять все горизонты мыслимого. И если при модернизме ключевой задачей было встраивание и поглощение в мейнстрим произведений с подрывным потенциалом, то в новую эпоху пришла префабрикация, то есть упреждающее форматирование желаний и оформление надежд капиталистической культуры. М. Фишер использовал карьеру К. Кобейна в качестве наглядной иллюстрации того, как «альтернативные культурные зоны», якобы полные бунта и протеста, оказалась на деле полностью клишированными и тупиковыми. Смерть К. Кобейна вызвала стремление музыкантов искать бескомпромиссную аутентичность, которая вопреки индустрии пытается отойти от «мягкой картинки» и показать социальную жизнь как она есть. Но, по мнению автора, эта аутентичность превратилась в товар, что подтверждал кинематограф («Лицо со шрамом», «Крестный отец», «Бешеные псы»), утверждающий мир без сентиментальных иллюзий, «такой, каков он есть». Присвоив стремление к аутентичности, капиталистический реализм низводит реальный мир до войны всех против всех и вечной эксплуатации [7, с. 20–25].

Пытаясь дополнить характеристику формы описываемого явления, М. Фишер отличает, что считаемое возможным или «реалистичным» в социальном поле определяется цепочками политических определений. Как утверждал философ, идеологическая позиция не может быть натурализована, пока продолжает мыслиться как ценность, а не факт. Поэтому неолиберализм, по убеждению философа, пытался исключить ценность как этическую категорию. Именно представителей неолиберализма автор называл главными капиталистическими реалистами [7, с. 18], хотя сам определения неолиберализма не давал, несмотря на отсутствие консенсуса по поводу точной формулировки. В контексте обсуждаемого автором наиболее близким будет определение Д. Стедмена-Джоунса, согласно которому неолиберализм есть «основанная на принципах индивидуальной свободы и ограничении полномочий государства идеология свободного рынка, связавшая человеческую свободу с действиями нацеленного на свою выгоду индивида в сфере рыночной конкуренции» [11, с. 19]. Именно это определение больше подходит характеристике неолибералов, которые, по мнению М. Фишера, навязали мышление в духе риторики «альтернативы [капитализму] нет», освятили разрушение публичного пространства, но при этом не устранили государство, а нашли в нем опору, оголив само государство до его ядра из военных и полицейских функций. Неолиберальные корни капиталистического реализма автор также показывал в утверждении «Бизнес-онтологии», согласно которой просто очевидно, что все (включая образование и медицину) должно управляться как обычный бизнес [7, с. 13, 38]. Поэтому

М. Фишер, следуя за призывами М. Фуко и А. Бадью разрушить видимость «естественного порядка» как эмпирической случайности [12], утверждал, что необходимо помнить о том, как сегодняшнее реалистичное еще недавно считалось нереальным, и критично относиться к любой реальности, выдающей себя за нечто натуральное [7, с. 38].

Автор также прибегнул к установке различия между реальным и реальностью, позаимствовав определения у Ж. Лакана и А. Зупанчич. А. Зупанчич указывала на необходимость быть более бдительными к идеологии, поскольку принцип реальности идеологически определен, и он сам вообще может пониматься как высшая форма идеологии, представляющая себя в качестве факта или фактической необходимости [13, с. 77]. Эту идеологически обусловленную реальность А. Зупанчич, за ней и М. Фишер противопоставляли понятию реального за авторством Ж. Лакана, который понимал реальное как «доязыковое бессознательное за пределами языка, категорически противное символизации или опыту, бесформенное, содержащее весь комплекс ощущений, впечатлений и состояний, стихийно переживаемых ребенком в материнской утробе» [14, с. 210]. М. Фишер развил понимание этого термина, рассматривая «реальное» как то, что вытесняет любая «реальность»; как травматическую пустоту, которую можно случайно увидеть в разломе поля видимой реальности. Примером подобного реального М. Фишер называл происходящую с планетой экологическую катастрофу, хотя признавал, что изменение климата не столько вытесняется реальным, сколько встраивается в рекламу и маркетинг [7, с. 38-41].

Таким образом, описание понятия «капиталистический реализм» является таким же разносторонним, как и само явление, которое М. Фишер пытался обозначить данным термином. В первую очередь это отражается в том, что философ дал фактически два определения, которые отражают форму (всепроникающая атмосфера, блокирующая мысль и действие) и содержание (ощущение полной безальтернативности капитализма). Философ дополнял характеристику описываемого явления ссылками на других теоретиков и специфическими аллюзиями к художественным произведениям, чтобы ярче донести, как этот конкретный реализм функционирует. Можно было бы покритиковать Фишера за чрезмерную тягу к метафорам и заимствованию характеристик у разных авторов или целых направлений, но надо отдать должное попытке ученого охарактеризовать, проиллюстрировать и терминологически обозначить видимую неизбежность и безальтернативность капитализма как отдельного цельного явления. Ключевыми характеристиками этого явления М. Фишер называл нормализацию кризиса; потерю способности обсуждать будущее; зацикливание на настоящем; постепенное овеществление прошлого; показательный отказ от позитивных истин (религиозных или политических) и веры вообще; «бизнес-онтологию» как навязывание рыночной модели во всех сферах общества; стремление указать на сложившийся порядок как единственно естественный и реальный. Характеристика эта не бесспорна, особенно учитывая стиль М. Фишера, и оставляет пространство для дальнейшего исследования и обсуждения, но при этом он сделал самостоятельным объектом изучения явление, которое у других авторов обычно указано как нечто само собой разумеющееся, как результат политического курса или как одна из многих черт эпохи и господствующего положения вещей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хэзерли О. Марк Фишер. От скучной дистопии к кислотному коммунизму // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 1 (123). С. 211–249.
2. Синельников И. В. Марк Фишер: свободная критика как жест // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6, № 3. С. 125–134.
3. Павлов А. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. Т. 29, № 2 (129). С. 1–24.

4. Цуркан Е. Г., Погожина Н. Н., Щербаклова Е. В. Конец истории: концепт или идеологема? // *Философия и общество*. 2023. № 2 (107). С. 32–48.
5. Мирасова К. Н. Айн Рэнд в глобальном мире // *Новое прошлое*. 2022. № 4. С. 160–174.
6. Грехов С. Д. «Игра в кальмара» и «Паразиты» как феномены «капиталистического реализма» // *Мир науки и искусства : сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, учащихся и молодых ученых*. Пермь, 2023. С. 88–94.
7. Фишер М. Капиталистический реализм / пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2010. 144 с.
8. Фишер М. Посткапиталистическое желание. Последние лекции / под ред. и с предисл. Мэтта Кохуна ; пер. с англ. Д. Безуглов, Л. Сон. М., 2024. 216 с.
9. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / с предисл. К. Маркса и Ф. Энгельса полн. пер. с нем. В. А. Поссе. СПб., 1906. 61 с.
10. Badiou A., Cox S., Whalen M. «On Evil: An Interview with Alain Badiou». URL: https://www.cabinetmagazine.org/issues/5/cox_whalen_badiou.php (дата обращения: 02.07.2024).
11. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / пер. с англ. А. А. Столярова ; науч. ред. А. В. Куряев. М. ; Челябинск, 2017. 522 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / пер. с франц. И. Окуневой под общ. ред. Б. М. Скуратова. М., 2005. 320 с.
13. Zupančič A. *The Shortest Shadow. Nietzsche's Philosophy of the Two*. London, 2003. 193 p.
14. Печенина О. В. Функции Реального, Воображаемого и Символического в коммуникативной модели структурного психоанализа Ж. Лакана // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2007. Сер. 6. Вып.4. С. 208–214.

REFERENCES

1. Heatherly O. Mark Fisher. From boring dystopia to acid communism. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture = Inviolable Reserve. Debates about Politics and Culture*, 2019, no. 1 (123), pp. 211–249. (In Russ.).
2. Sinel'nikov I.V. Mark Fisher: free criticism as a gesture. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy = Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 125–134. (In Russ.).
3. Pavlov A. The postmodern gene: does post-capitalism mean post-postmodernism? *Logos*, 2019, vol. 29, no. 2 (129), pp. 1–24. (In Russ.).
4. Tsurkan E.G., Pogozhina N.N., Shcherbakova E.V. End of history: concept or ideologeme? *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2023, no. 2 (107), pp. 32–48. (In Russ.).
5. Mirasova K. Ayn Rand in the global world. *Novoe proshloe = New Past*, 2022, no. 4, pp. 160–174. (In Russ.).
6. Grekhov S.D. “The game of squid” and “Parasites” as phenomena of “capitalist realism”. In: *Mir nauki i iskusstva: sb. st. Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov, uchashchikhsya i molodykh uchenykh* [The world of science and art: collection of articles of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference of students, postgraduates, students and young scientists]. Perm, 2023. Pp. 88–94. (In Russ.).
7. Fisher M. *Kapitalisticheskii realizm* [Capitalist realism]. Transl. from English by Kralechkin D. Moscow, 2010. 144 p.
8. Fisher M. *Postkapitalisticheskoe zhelanie. Poslednie lektsii* [Post-capitalist desire. Recent lectures]. Transl. from English by Bezuglov D., Son L. Moscow, 2024. 216 p.
9. Marks K. *Manifest Kommunisticheskoi partii* [Manifesto of the Communist Party]. Saint Petersburg, 1906. 61 p.
10. Badiou A., Cox S., Whalen M. *On evil: an interview with Alain Badiou*. Available at: https://www.cabinetmagazine.org/issues/5/cox_whalen_badiou.php (accessed July 2, 2024).
11. Steadman-Jones D. *Rozhdenie neoliberal'noi politiki: ot Khaieka i Fridmena do Reigana i Tetcher* [The birth of neoliberal politics: from Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher]. Transl. from English by Stolyarov A.A. Moscow, Chelyabinsk, 2017. 522 p.
12. Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 2* [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews. Part 2]. Transl. from French by Okuneva I. Moscow, 2005. 320 p.
13. Zupančič A. *The shortest shadow. Nietzsche's philosophy of the two*. London, 2003. 193 p.
14. Pechenina O. V. The functions of the real, imaginary and symbolic in the communicative model of J. Lacan's structural psychoanalysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya*.

Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations, 2007, no. 4, pp. 208–214. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ МОКИЕВСКИЙ – аспирант кафедры философии Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, sergei.mokievski@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI YU. MOKIEVSKII – Postgraduate Student at the Department of Philosophy of the Vologda State University, Vologda, Russia, sergei.mokievski@yandex.ru

Статья поступила 07.06.2024

Научная статья

УДК 304.2

doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.014

Интегрально-социальный подход как методологическое основание для объяснения причин преступности

ОЛЬГА АМИНОВНА ГИНАТУЛИНА

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, kylikbitva@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в социальных науках существует множество точек зрения относительно факторов, обуславливающих преступность, но попытка их объединения носит исключительно механистический характер. Цель статьи – выявление методологического потенциала социально-философского знания, в частности интегрально-социального подхода к сущности человека для объяснения природы преступности. Показано, что отсутствие методологической основы (наиболее общей философской теории, объясняющей сущность человека) в криминологии ведет к неразрешенным проблемам в области объяснения сущности преступности. Проанализированы четыре подхода к пониманию сущности человека и эвристический потенциал каждого применительно к проблемам преступности. Доказывается, что интегрально-социальный подход решает проблему взаимосвязи различных причин, влияющих на преступность, выстраивая их в иерархизированную систему соотношения высших и низших уровней внутри единого образования, являющего собой человека. Показана роль интегрально-социального подхода к сущности человека в качестве методологического инструмента в объяснении природы преступности.

Ключевые слова: природа преступности; социологизаторский подход; биологизаторский подход; биосоциальный подход; интегрально-социальный подход.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Гинатулина О. А. Интегрально-социальный подход как методологическое основание для объяснения причин преступности // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 3 (14). С. 112–117. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.014.

Original article

Integral Social Approach as a Methodological Basis for Determining Crime Causes

OL'GA A. GINATULINA

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia,
kylikbitva@mail.ru

Abstract. Nowadays, there are many points of view in social sciences regarding the factors that cause crime, but the attempt to combine them is purely mechanistic in nature. The purpose of the article is to identify the methodological potential of socio-philosophical knowledge, in particular an integral social approach to the essence of man to explain the nature of crime. It is shown that the lack of a methodological basis (the most general philosophical theory explaining the essence of man) in criminology leads to unresolved problems in the field of determining the essence of crime. Four approaches to understanding the essence of man and the heuristic potential of each in relation to crime problems are analyzed. It is proved that the integral social approach solves the problem of the interrelation of various causes affecting crime, building them into a hierarchical system of the ratio of higher and lower levels within a single entity, which is a person. The role of an integral social approach to the essence of man as a methodological tool in explaining the nature of crime is shown.

Keywords: nature of crime; sociological approach; biological approach; biosocial approach; integral social approach.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Ginatulina O.A. Integral social approach as a methodological basis for determining crime causes. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 3 (14), pp. 112–117. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.014.

В настоящее время существует огромное количество теорий, объясняющих преступность. Если произвести типологию всего имеющегося разнообразия концепций, то окажется, что их можно будет разделить на две большие группы, которые базируются в рамках базовых методологий: биологического и социологического направления либо их механистического соединения.

Ортодоксально биологическое направление в своем классическом варианте, восходящем к деятельности Ч. Ломброзо, было раскритиковано, но получило вторую волну популярности в свете современных эмпирических исследований. В последние тридцать лет вновь наблюдается всплеск интереса к изучению биологических причин преступности (влияние на преступность таких факторов, как частота сердечных сокращений, гены, хромосомы и т. п.) [1]. Современные сторонники биологизаторского подхода к объяснению причин преступности не так категоричны в своих выводах, по сравнению с родоначальниками подхода, но тем не менее настаивают на необходимости учета биологической предрасположенности определенных групп людей к совершению тех или иных преступлений [2, с. 29]. Между тем представители социологизаторского подхода также тотально отрицают влияние биологических факторов, как и сторонники биологической детерминации признают роль социальных условий.

В этой связи предпринималась попытка объединения данных теорий в факторном анализе, но она не увенчалась успехом, так как этот подход обладает рядом недостатков: не позволяет выделить главную действующую причину, не дифференцирует главное и второстепенное, первичные и вторичные причины, а также причины и условия [3, с. 51].

Ю. М. Антонян пишет о том, что нужно изучать не только личность лиц, совершающих преступления, но и человека [4, с. 9], то есть проблема сущности преступности упирается в методологическое основание понимания природы человека в социальных науках.

Можно выделить четыре подхода к пониманию сущности человека: биологизаторский, социологизаторский, биосоциальный (наиболее популярный) и интегрально-социальный.

Рассмотрим проявление каждого из этих подходов в криминологии.

Первый – биологизаторский – подход к пониманию сущности человека, очевидно, имеет свое преломление в антропологической линии криминологической мысли. В нашей стране данная ветвь разрабатывалась такими учеными, как Д. Дриль, Г. М. Шенгелай,

А. А. Перельман, И. С. Ной и др. [5, с. 86], но официально была не признана в свете того, что государственная идеология опиралась на философию марксизма. Однако, даже отбросив в сторону идеологические рамки, данный подход нельзя признать состоятельным, поскольку он игнорирует социальную природу человека и справедливо критиковался и критикуется не только в Советском Союзе, но и за рубежом. «Не сама аномалия психики вызывает преступное поведение, а та социальная среда, которая трансформирует данную черту в криминогенную составляющую личности» [6]. Так называемый ген преступности (название представляется некорректным) не обуславливает совершение преступлений, а лишь при неблагоприятных условиях социальной среды усиливает вероятность проявления преступного поведения [7]. Роль и значение биологических факторов выражаются сильнее, если анализировать индивидуальный механизм преступного поведения. Однако когда речь идет о феномене преступности на уровне общества в целом, то роль биологических факторов сглаживается и проявляется дифференцированно в зависимости от типа преступлений, в частности у насильственных преступников данный фактор будет выступать более рельефно.

Второй подход – социологизаторский – напротив, в советское время получил широкое распространение в свете того, что был вульгаризирован шестой тезис К. Маркса о Фейербахе, который гласил о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [8, с. 1]. Криминологи подхватили данную идею, и считалось, что корни и причины преступности кроются исключительно в социальных отношениях. Биологическая основа человека грубо игнорировалась, хотя сам К. Маркс писал о том, что беспредметное существо есть глупое, невозможное существо. Недопустимо в этой связи растворять человека в отношениях, материальное сводить к процессуальному, человеческую сущность – к общественным отношениям. Человек – не совокупность связей, а особая, высшая форма материи, предметное социальное существо, субстратный (субстанциальный) элемент общества [9, с. 148], порождающий общественные отношения. После распада Советского Союза стало модным критиковать социологизаторский подход. В частности, среди криминологов активно выступает против чисто социологического объяснения причин преступности Ю. М. Антонян, приводя в качестве аргументов существование сексуальных извращений и серийных убийц.

Поэтому на первый поверхностный взгляд представляется, что биосоциальный подход к пониманию сущности человека способен уравновесить ограниченность двух предыдущих концепций. Например, Ю. А. Воронин пишет о том, что, с одной стороны, человек – существо социальное, с другой – в нем присутствуют биологические характеристики, которые сложно игнорировать, следовательно, человек – существо биосоциальное [10, с. 26]. А. Н. Игнатов заключает, что человек имеет двойственную биосоциальную природу [11, с. 319]. Однако данный подход обладает рядом недостатков. Представляется, что понимание человека как существа биосоциального является теоретически и эвристически недостаточно сильным, так как не помогает в научных исследованиях, в частности в криминологии, пролить свет на существующую проблему. Представители научной школы философии справедливо критикуют биосоциальный подход к пониманию сущности человека, так как, во-первых, с точки зрения научной логики у предмета не может быть двух сущностей, природа предмета не может быть двойственной, а во-вторых, кроме биологических оснований не учитываются другие природные основы человека – химические, физические и др. В-третьих, здесь наблюдается проблема несоответствия субстрата (носителя свойств) и атрибута (свойства), это означает, что биологическое не может иметь социальные свойства, как представляется в данной теории, что человек якобы биологическое существо, но вступает в социальные отношения. «Нет сомнений в том, что социальные и биологические факторы влияют на формирование преступного поведения. Но используемые сегодня концепты не описывают, не

измеряют и не объясняют вклад этих переменных. В связи с этим невозможно определить границу влияния генетических и социальных факторов» [12, с. 296–297].

В этой связи предлагается использовать интегрально-социальный подход в качестве методологического основания в объяснении причин преступности.

Смысл теории заключается в том, что сущность у человека одна – только социальная, но социальное как высшее возникло не само по себе, а на основе более низших форм материи: биологической, которая в свою очередь вышла из химической, которая также возникла из физической и так далее в бесконечность. Следовательно, все нижележащие формы материи не будут сущностью, но будут природной основой человека. То есть человек как существо социальное (не биологическое! не биосоциальное!) включило в себя биологический уровень, химический уровень, физический уровень и далее в бесконечность нижележащие уровни организации материального мира. С позиции данного подхода включенное низшее, сохраняя свои базовые закономерности, начинает подчиняться законам высшего. Для криминологии это означает, что преступность явление социальное, однако имеющее свои биологические основы (и также химические, и физические, и далее в бесконечность), которые хоть и оказывают влияние, но не являются самодостаточными и подчиняются в конечном счете законам высшего, то есть социума. Использование данной методологии в объяснении причин преступности представляет собой хороший пример диалектического метода. Ведь диалектический метод заключается в том, что две противоположности (в нашем случае биологическое и социальное) не просто не отрицаются, существуя в единстве, а одна из противоположностей носит ведущий абсолютный характер, вторая – подчиненный относительный. То есть биологические и иные природные основы носят подчиненный характер по отношению к социальным причинам.

Например, подростковый пик преступности [12, с. 292] можно объяснить чисто биологически, но с точки зрения интегрально-социального подхода коренной причиной будет выступать ошибка, просчет социальных институтов, которые не учли возрастные особенности и не скорректировали социальные условия для здорового проявления биологических особенностей социальных индивидов, потому как биологическое подчинилось бы социальному. Таким образом, данный подход систематизирует все условия, влияющие на преступность в иерархическую систему, где нижележащие слои подчиняются в конечном счете вышележащим: физическое – химическому, химическое – биологическому, биологическое – социальному.

Таким образом, социально-философская теория, объясняющая сущность человека, обладает эвристическим потенциалом для частнонаучных исследований в области природы и причин преступности. Интегрально-социальный подход, с одной стороны, преодолевает метафизические сложности других концепций, поскольку не просто примиряет противоположности (биологическое и социальное), но показывает подчиненный характер биологического как включенного низшего по отношению к социальному. С другой стороны, интегрально-социальный подход лишен недостатка чрезмерной абстрактности, которая характерна для классической теории диалектики. Основываясь на богатом эмпирическом материале естественных наук, он выстраивает отношения высших и низших форм организации материи в систему, что позволяет устранять противоречия между влиянием различных факторов на преступность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларин В. Н. Рецепция наследственной теории преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21). С. 113–119.
2. Коваль В. Н. Генетика и формирование преступного поведения личности // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 9 (202). С. 21–31.
3. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Отечественные научные концепции причин преступно-

- сти // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 49–58.
4. Антонян Ю. М. Причины преступности // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 7–13.
5. Романовский Г. Б. Правовые основы современной биокриминологии (к 95-летию со дня рождения И. С. Ноя) // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 82–87.
6. Татарина К. В. Взаимосвязь биологических и социальных факторов в личности преступника // Система ценностей современного общества. 2011. № 17-1. С. 260–264.
7. Вагапова В. Р. Социальные и генетические детерминанты насильственных преступлений // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы I Междунар. молодеж. юрид. форума. Тюмень, 2022. С. 60–65.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 1–6.
9. Васильева Т. С., Орлов В. В. Социальная философия : учеб. пособие. Пермь, 2007. 352 с.
10. Воронин Ю. А. Личность преступника: концептуальные аспекты // Виктимология. 2019. № 1 (19). С. 26–31.
11. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 319–326.
12. Кузнецов А. Е. Преступность несовершеннолетних: развитие и кризис (западной) криминологической мысли // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 291–306.

REFERENCES

1. Larin V.N. The reception of the hereditary crime theory. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*, 2019, no. 2 (21). S. 113–119.
2. Koval' V.N. Genetics and the formation of criminal behavior of a person. *Lex Russica = Russian Law*, 2023, vol. 76, no. 9 (202), pp. 21–31. (In Russ.).
3. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Russian scientific concepts of crime reasons. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Russian Journal of Criminology*, 2014, no. 1, pp. 49–58. (In Russ.).
4. Antonyan Yu.M. Causes of crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2023, no. 1(83), pp. 7–13. (In Russ.).
5. Romanovskii G.B. Legal basis of modern biocriminology (to the 95th anniversary of the birth of I.S. Noah). *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2018, vol. 6, no. 4 (24), pp. 82–87. (In Russ.).
6. Tatarinova K.V. The relationship of biological and social factors in the personality of a criminal. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva = Value system of modern society*, 2011, no. 17–1, pp. 260–264. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-biologicheskikh-i-sotsialnyh-faktorov-v-lichnosti-prestupnika/viewer> (In Russ.). (Accessed April 8, 2024).
7. Vagapova V.R. Social and genetic determinants of violent crimes. In: *Law Afterknown: pravo za gran'yu obydennogo: materialy I Mezhdunar. molodezh. yurid. foruma* [Law Afterknown: law beyond the ordinary: proceedings of the I International youth law forum]. Tyumen, 2022. Pp. 60–65. (In Russ.).
8. Marx K., Engels F. Theses on Feuerbach. In: *Sochineniya: v 50 t. T. 3* [Essays: in 50 vols. Volume 3]. Moscow, 1955. Pp. 1–6. (In Russ.).
9. Vasil'eva T.S., Orlov V.V. *Sotsial'naya filosofiya: ucheb. posobie* [Social philosophy: textbook]. Perm, 2007. 352 p.
10. Voronin Yu.A. The identity of the criminal: conceptual aspects. *Viktimologiya = Victimology*, 2019, no. 1 (19), pp. 26–31. (In Russ.).
11. Ignatov A.N. Concept and general characteristics of the personality of the criminal. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2019, vol. 5 (71), no. 1, pp. 319–326. (In Russ.).
12. Kuznetsov A.E. Juvenile crime: the rise and crisis of criminological theory. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2020, no. 2, pp. 291–306. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЬГА АМИНОВНА ГИНАТУЛИНА – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, kylikbitva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OL'GA A. GINATULINA – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia, kylikbitva@mail.ru

Статья поступила 17.06.2024

Научная статья

УДК 340:141

doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.015

Сущностные характеристики этических компонентов философии права в контексте юридических канонов правосудия

РОМАН ЮРЬЕВИЧ РУНАЕВ

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, <http://orcid.org/0000-0003-3313-9626>, donnash@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается важность соблюдения судебной этики в современной юридической практике. Представлена попытка определить сущность философских толкований справедливости, долга, совести и ответственности в привязке к юридическим канонам правосудия. Отображены примеры судебных решений, свидетельствующие о неразвитости морально-нравственных принципов в профессиональной структуре личности отдельных акторов, осуществляющих правосудие. Предложено авторское видение ряда коллизионных проблем, сопряженных с разрешением судьями профессиональных задач в условиях сложного морального выбора, а также рассмотрен вариант компромисса в правоохранительной деятельности судей на стыке их профессиональных компетенций и этической компоненты правосудия.

Ключевые слова: органы власти; суд; правосудие; профессиональная этика; справедливость; долг; совесть; ответственность.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Рунаев Р. Ю. Сущностные характеристики этических компонентов философии права в контексте юридических канонов правосудия // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 3 (14). С. 118–124. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.015.

Original article

Essential Characteristics of Ethical Components of the Philosophy of Law in the Context of Legal Canons of Justice

ROMAN YU. RUNAEV

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, <http://orcid.org/0000-0003-3313-9626>, donnash@mail.ru

Abstract. The article considers the importance of observing judicial ethics in modern legal practice. An attempt is made to determine the essence of philosophical interpretations of justice, duty, conscience and responsibility in relation to legal canons of justice. The examples of court decisions show the underdevelopment of moral principles

in the professional structure of the personality of individual actors administering justice. The author's vision of a number of conflict-of-law problems associated with the resolution of professional tasks by judges in conditions of difficult moral choice, as well as the search for a compromise in the law enforcement activities of judges at the junction of their professional competencies and the ethical component of justice, is proposed.

Key words: authorities; court; justice; professional ethics; justice; duty; conscience; liability.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Runaev R.Yu. Essential characteristics of ethical components of the philosophy of law in the context of legal canons of justice. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 3 (14), pp. 118–124. doi 10.46741/sjournal.2024.14.3.015.

Исходя из разъяснений, представленных в юридической литературе, основным компонентом правосудия служат истинные дискуссии о праве. Правосудие в своем общем значении чаще всего выражается как синоним справедливости, и уже исходя из этого необходимо определять, является ли выражение «справедливое правосудие» тавтологией.

Опираясь на этимологию слов, наполняющих словарный базис русского языка, правосудие можно определить как суд по праву. По своей сути понятие «справедливость» является основанием термина «право». Исходя из данной позиции, можно сделать вывод о том, что правосудие – это и есть суд на основе справедливости.

Термин «справедливость» также можно пояснять как нравственную категорию. В общем и целом сопоставление деяний субъектов процессов права как объектов философско-правового познания исходит из того, что за конкретные деяния отдельных индивидов им всегда воздается по заслугам.

Исключительность справедливости права не всегда зависит от справедливости как таковой. Из этого можно вывести обоснованную гипотезу о том, что если приговор объявлен правовым, то он необязательно будет справедливым. Данная теория разделяет рамки равенства справедливости и правосудия, из-за чего необходимо дать точное толкование правосудия как справедливого начала.

Если взять за основу нашего исследования слова С. Л. Дегтярева, что правосудие есть деятельность, опирающаяся на Конституцию Российской Федерации, то рассматривать исходное начало правоприменительной деятельности в виде справедливости не совсем точно. Сергей Леонидович указывает, что основной характеристикой справедливости является ее оценочность при истолковании внеправовых категорий.

Данные мысли можно подкрепить выдержками из работы заместителя заведующего кафедрой административного права Российской академии правосудия Панковой Ольги Викторовны, которая точно подмечает, что осуществляемую правосудием деятельность нельзя рассматривать как правовое явление. Она считает, что именно справедливость является внутренним свойством правосудия, подталкивающим к его ценностному восприятию в социально-правовом плане.

Также есть необходимость рассмотреть проблему связи между справедливостью и законностью, так как, исходя из неоднородности этического и/или правового толкования того или иного действия социально-активного субъекта, имеют место обстоятельства, связанные с вынесением несправедливого решения, даже с опорой на закон. Естественно, признание справедливыми незаконных решений критически неправильно.

Аристотель определял право как «регулирующую норму политического общения» и в то же время как «критерий справедливости» [1, с. 29]. Уже в этом двойственном определении была обозначена главная проблема философии права, а именно проблема правового иде-

ала и правовой реальности. Отечественный философ-правовед Е. Н. Трубецкой заключает: «С точки зрения философов, право не во всем своем составе является искусственным изобретением людей; в основе права лежит вечный незыблемый божественный порядок, который господствует не только в человеческих отношениях, но и во всем строе мироздания: рядом с законами, изобретенными людьми, существуют вечные, неписанные законы, вложенные в сердца людей самим божественным разумом» [2, с. 61].

В юридической практике сложилось практически единогласное мнение о том, что необходимые профессиональные качества человек может выработать самостоятельно [3, с. 557]. Для этого первостепенное внимание должно быть отдано морально-волевым и интеллектуальным способностям. Морально-волевые качества напрямую связаны с философией права. Так как работа государственных служащих напрямую связана с людьми, от действий судей напрямую зависят их судьбы, то необходимо четко понимать, что эта профессия связана с колоссальной этической нагрузкой, которую не все могут выдержать.

Методы реформ, направленные на борьбу с неправомерным поведением представителей высших органов власти, в настоящее время не стали успешными. Примером тому являются громкие коррупционные скандалы, связанные в том числе и с лицами, представляющими судебную власть. Так, например, в Волгоградской области не раз случались подобные резонансные прецеденты [4].

28 апреля 2015 г. федеральный судья Городищенского районного суда Татьяна Рыжих насмерть сбива двух братьев Егоровых и скрылась с места происшествия, после чего бросила свой автомобиль. Сначала заявляла, что автомобиль у нее угнали. Потом говорила, будто третье лицо на трассе спровоцировало данную аварию. После вмешательства в данную ситуацию председателя Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкина Рыжих удалось лишить иммунитета, и после длительных судебных тяжб, в 2019 г. Волгоградский областной суд признал бывшую судью виновной и постановил приговор – пять лет колонии-поселения. Однако 3 ноября 2020 г. постановлением того же суда исполнение приговора от 5 августа 2019 г. в отношении Рыжих Т. Ю. и реальное отбывание назначенного ей наказания в виде лишения свободы было отсрочено до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста [5].

Таким же резонансным было уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего председателя Дзержинского районного суда Волгограда Юлии Добрыниной за получение 2,5 млн руб. от жены бизнесмена Владимира Зубкова – владельца усадьбы «Сосновый бор». Сразу же после передачи денег экс-судья была задержана сотрудниками УФСБ. По версии следствия, за крупную сумму Добрынина пообещала решить проблему со сносом турбазы в пользу ее хозяев. 21 апреля 2021 г. Ленинский районный суд Астрахани приговорил Ю. Добрынину к двум годам колонии общего режима за покушение на мошенничество, однако 24 июня 2021 г. решением Астраханского областного суда данный приговор был изменен, в соответствии со ст. 82 УК РФ ей предоставлена отсрочка от исполнения наказания до достижения ее несовершеннолетним ребенком возраста четырнадцати лет [6].

И если во втором случае резонанс был смягчен ввиду условной обезличенности потерпевшей стороны, то по делу о гибели братьев Егоровых мать потерпевших Нина Егорова открыто возмутилась несправедливостью вынесенного судебного акта, а ее адвокат Александр Реклицкий прямо заявил: «Фактически этим судебным постановлением ее (экс-судью Рыжих – авт.) освободили от наказания, потому что ст. 82 УК РФ предусматривает, что если в период отсрочки она не совершит никаких противоправных действий, административных правонарушений, то ее даже могут досрочно освободить от наказания».

Подобные прецеденты подрывают авторитет правосудия в нашей стране, наносят существенные имиджевые потери государственной власти, поскольку простому обывателю становится очевидно отсутствие в представлениях некоторых государственных служащих

таких базовых морально-нравственных принципов, как честность и честь, добросовестность и справедливость.

Между тем юридическая практика – это не всегда вопрос только лишь конкретных процессуальных знаний и навыков, но также умений соблюдать эти юридические правила. Длинный список таких правил зачастую не помогает актору, осуществляющему правосудие, проявить здравый смысл и последовательное суждение. Здесь мало обычной профессиональной осмотрительности, которая не позволяет выносить суждения и принимать решения даже в очевидных ситуациях за доли секунды. Необходима структура философско-правового познания для принятия решений, которая способствует выработке этически выверенных решений. Такая структура особенно актуальна, когда в юридической практике встречаются коллизионные ситуации и прямое столкновение моральных норм с нормами закона.

К примеру, после чудовищного теракта в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г. стал очевиден общественный запрос россиян на отмену запрета смертной казни для террористов и прочих преступников, действия которых имели высокий уровень общественной опасности. Тем более что после изменений в Конституции Российской Федерации в 2020 г. российское законодательство может позволить себе осуществлять юридические практики без опоры на европейские каноны правосудия.

Так, значительное количество россиян уже долгие годы считает, что гуманизмом особенно увлекаться не стоит, когда речь заходит о бесчеловечных злодеяниях, совершенных патологическими социопатами в лице серийных убийц, маньяков, людоедов, педофилов. Последние, искалечив или лишив жизни множество невиновных людей, продолжают жить за счет бюджетных ассигнований, а значит, отчасти и на деньги законопослушных граждан страны. Люди эти прецеденты не считают справедливыми.

Настроения, происходящие в социуме, необходимо учитывать, и при наличии такой необходимости отображать нарративы запросов в нормах действующего законодательства. Тем более что, согласно высказыванию спикера Госдумы В. Володина, для снятия того же моратория на смертную казнь в России не нужно проводить референдум, потому что для этого достаточно решения Конституционного суда. По его словам, предыдущее решение Конституционного суда было принято во исполнение обязательств перед Советом Европы, но Россия вышла из него в 2022 г., поэтому отмена моратория требует обсуждения [7].

Таким образом, рассматривая вопрос о соотношении морали и права, важно понимать, что наличествующие нормы права не должны противоречить господствующей морали. Е. Н. Трубецкой, размышляя об эффективной модели взаимодействия морали и права, считает, что фундаментом для такого союза может быть только жесткая ориентация на следование благу, и только в соответствии с этим идеалом право имеет объективные причины для существования. При определении понятия права ученый заключает, что «право есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой» [8, с. 16], исходя из чего делает вывод, что с нормой права рамки для свободы также создает и нравственность, поскольку на ее основе воспроизводятся условия для общественного благополучия.

Также важным элементом правосудия является то, что его нужно отправлять понятно, точно и гибко, не забывая объективно маркировать конкретные обстоятельства дела (например, если дело касается смягчения наказания либо освобождения от него). Такая ситуация недавно имела место в г. Кизляре Республики Дагестан, где сын экс-прокурора города Владимир Григорьянц фактически не понес серьезного наказания за то, что 19 мая 2023 г., управляя автомобилем Mazda 6 и нарушив правила дорожного движения, сбил мотоцикл, которым управлял 14-летний местный житель, что повлекло смерть последнего. 15 марта 2024 г. Ногайский районный суд приговорил виновника смертельного ДТП к одному году и шести месяцам ограничения свободы. Отец погибшего подростка посчитал это наказание слишком мягким. Итогом вынесенного судебного решения стало то, что после оглашения

приговора, когда адвокат С. Осипов и его подзащитный В. Григорьянц вышли из здания суда и направились на автостоянку, их в упор расстрелял отец погибшего мальчика [9].

Чтобы доказать истинность «понятия» правосудие на основе различных статей, мнений, теорий, следует перейти к определению долга как вида этической категории, обеспечивающей решение нравственных задач в правовом поле. Эту категорию человек определяет для себя сам на основе требований нравственности.

Только когда работники судов и прокуратуры осознают роль своей деятельности в социуме, когда они будут готовы безотлагательно выполнить свой служебный долг, лишь только тогда их обязанности будут с успехом выполняться. Именно беззаконие ставит крест на поддержании порядка в обществе.

Если говорить о совести, то это в некотором плане человеческое осознание своей гражданской ответственности личностного долга перед социальными группами, отдельно взятыми людьми, государством и непосредственно перед самим собой. Именно поэтому совесть называют другой стороной долга.

При выполнении служебных функций специалисты в области юриспруденции могут столкнуться со сложными моральными ситуациями, в которых нередко требуются взвешенные, ответственные решения. Именно чувство совести помогает работникам квалифицированно выполнять свои служебные функции и не опустить престиж профессии.

Подводя промежуточный итог поиска истинности в понятии правосудия, хочется также добавить толкование ответственности. Ответственность является категорией этики. Она рассматривает личность со стороны исполнения ею требований в нравственно-психологическом основании, в степени соответствия деятельности должной нравственности (естественно, исходя из возможности личности в отдельно взятом плане).

Основными признаками профессионализма, честности и гуманизма юриста является способность понять социальное назначение своей деятельности, обосновать принимаемое на практике решение.

Обоснование правоприменительной полезности человек осознает не всегда, но чаще всего действует в соответствии с доминирующими мировоззренческими установками других юристов, к формированию которых и стремится подвигнуть индивида философия права. Если же отбросить философское обоснование, то какие-либо попытки решить основные теоретические проблемы в области юриспруденции приведут к отрицанию возможности объективного познания действительности вследствие полной относительности знаний человечества.

Данную теорию поддерживал французский профессор права Г. А. Шварц-Либман фон Валендорф. Он говорил, что «люди, полагающие, что они обойдутся без философского обоснования процессов правовой системы, на деле будут руководствоваться своей личной философией, что в итоге может привести к потере справедливости, объективности и беспристрастности в бесконечном потоке правовой дисгармонии» [10, с. 14].

Будущая специальность студентов юридических вузов подталкивает их к необходимости изучения философских знаний с уклоном в правовую сферу. Именно философия права является основой образования юристов, понимающих, что для профессии справедливость есть нераздельный нравственный и служебный долг. Эта позиция является рычагом развития акторов правосудия как свободно мыслящих, политически подкованных, неподкупных предоставленными им возможностями.

И ведь в действительности перед философией права стоит более важная социальная задача, чем просто подготовка юриста лишь в пределах его будущей специальности. Этой задачей является квалификация юриста в качестве чуткого гражданина, а не бездушного «биоробота». Такой позиции придерживается известный британский философ права Г. Харрис. Эта позиция довольно четко поясняет место философии права в системе наук и учебных дисциплин, в которых изучается право и государство [11, с. 5].

Философия права помогает юристу взглянуть на проблемы правоведения, исходя не из сугубо профессиональных компетенций, а обосновать или даже решить данные проблемы на философском уровне. Именно это можно назвать феноменом права. Однако этот феномен не призывает юристов отрицать основные методы исследования в юриспруденции и заменить их на методы философского познания. Рассматривая интересы философии права в системе наук, видится значимым определить и предмет правовой философии исходя из его сравнения с теорией права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дьячкова О. Н. Философско-правовая концепция Е. Н. Трубецкого // Сумма философии. Вып. 3. Екатеринбург, 2005. С. 23–41.
2. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. 183 с.
3. Колязов Л. Д. Профессиональная пригодность личности к юридической деятельности // Аллея науки. 2020. Т. 2, №. 5. С. 557–562.
4. Не судимы будете: за что и почему волгоградских судей лишают мантий? URL: <https://novostivolgograda.ru/news/2020-11-06/ne-sudimy-budete-za-cto-i-pochemu-volgogradskih-sudey-lishayut-mantiy-1545808> (дата обращения: 28.06.2024).
5. Экс-судья Рыжих ответит за гибель двух братьев в ДТП через 14 лет. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/2171202/4315230/> (дата обращения: 28.06.2024).
6. Экс-председателя Дзержинского районного суда Юлию Добрынину оставили на свободе. URL: <https://v1.ru/text/gorod/2021/06/24/69989018/> (дата обращения: 28.06.2024).
7. Володин: для возвращения смертной казни достаточно решения Конституционного суда. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6594604> (дата обращения: 28.06.2024).
8. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. 543 с.
9. «Адвокат смеялся ему в лицо»: отец погибшего мальчика расстрелял виновника ДТП и его защитника. URL: https://tsargrad.tv/articles/advokat-smejalsja-emu-v-lico-otec-pogibshego-malchika-rasstreljal-vinovnika-dtp-i-ego-zashhitnika_974448 (дата обращения: 28.06.2024).
10. Философия права : учеб. / Л. Д. Байрачная [и др.] ; под ред. О. Г. Данильяна. М., 2022. 336 с.
11. Козлихин И. Ю. Идея правового государства: история и современность. СПб., 2003. 152 с.

REFERENCES

1. D'yachkova O.N. Philosophical and legal concept of E. N. Trubetskoi. In: *Summa filosofii*. Vyp. 3 [Summa Philosophy. Issue 3]. Ekaterinburg, 2005. Pp. 23–41. (In Russ.).
2. Trubetskoi E.N. *Entsiklopediya prava* [Encyclopedia of law]. Saint Petersburg, 1998. 183 p.
3. Kolyazov L.D. Professional competence of a person for legal activities. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2020, vol. 2, no. 5, pp. 557–562. (In Russ.).
4. *Ne sudimy budete: za chto i pochemu volgogradskikh sudei lishayut mantii?* [You will not be judged: for what and why are Volgograd judges stripped of their robes?]. Available at: <https://novostivolgograda.ru/news/2020-11-06/ne-sudimy-budete-za-cto-i-pochemu-volgogradskih-sudey-lishayut-mantiy-1545808> (accessed June 28, 2024).
5. *Eks-sud'ya Ryzhikh otvetit za gibel' dvukh brat'ev v DTP cherez 14 let* [Ex-judge Ryzhykh will answer for the death of two brothers in an accident in 14 years]. Available at: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/2171202/4315230/> (accessed June 28, 2024).
6. *Eks-predsedatelya Dzerzhinskogo raionnogo suda Yuliyu Dobryninu ostavili na svobode* [Ex-chairman of the Dzerzhinsky District Court Yulia Dobrynina was left at large]. Available at: <https://v1.ru/text/gorod/2021/06/24/69989018/> (accessed June 28, 2024).
7. *Volodin: dlya vozvrashcheniya smertnoi kazni dostatochno resheniya Konstitutsionnogo suda* [Volodin: the decision of the Constitutional Court is enough to return the death penalty]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6594604> (accessed June 28, 2024).
8. Trubetskoi E.N. *Trudy po filosofii prava* [Proceedings on the philosophy of law]. Saint Petersburg, 2001. 543 p.
9. *“Advokat smeyalsya emu v litso”: otets pogibshego mal'chika rasstrelyal vinovnika DTP i ego zashchitnika* [“The lawyer laughed in his face”: the father of the deceased boy shot the culprit of

the accident and his defender]. Available at: https://tsargrad.tv/articles/advokat-smejalsja-emu-v-lico-otec-pogibshego-malchika-rasstreljal-vinovnika-dtp-i-ego-zashhitnika_974448 (accessed June 28, 2024).

10. Bairachnaya L.D. et al. *Filosofiya prava: ucheb.* [Philosophy of Law: textbook]. Ed. by Danil'yan O.G. Moscow, 2022. P. 336.

11. Kozlikhin I.Yu. *Ideya pravovogo gosudarstva: istoriya i sovremennost'* [The idea of the rule of law: history and modernity]. Saint Petersburg, 2003. 152 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РОМАН ЮРЬЕВИЧ РУНАЕВ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, Волгоград, Россия, <http://orcid.org/0000-0003-3313-9626>, donnash@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN Yu. RUNAEV – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, <http://orcid.org/0000-0003-3313-9626>, donnash@mail.ru

Статья поступила 28.06.2024